Отечественная история
National History

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-33-57
УДК 930.1

БУГАЙ Николай Фёдорович

Институт российской истории Российской академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

**КАВКАЗ: ГОРЦЫ, КАЗАЧЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х - 1945 гг.)**

Введение. Принудительное переселение в жизни государств – механизм реализации мер государства, но не его политика. Понятие «репрессивная политика» также не удавшийся бренд времени 1990-х годов в условиях обостренных чувств в обществе. Ни одно государство не может назвать свою политику «репрессивной». Поэтому при использовании подобного заявления было бы целесообразным рассматривать и возможность сочетания вербального обобщения с реальностью. Цель статьи – в обобщенном виде представить трансформации, которое претерпевали горское население и российское казачество, проживающие совместно веками на Северном Кавказе.

Методы. Регион отличается своей спецификой: многонациональность, многоконфессиональность, богатый событийный ряд, трудности условий социального развития, исторического процесса. Ценное значение приобретает в связи с этим рассмотрение представленной проблемы с разных сторон: временных рамок, связанных с обстановкой предвоенного и военного времени, существовавших оценок действительного положения дел в условиях сталинского режима, прибегавшего к использованию такого принципа, как управление процессами развития общества – «принципа видимого интернационализма». Он предполагал применение мер принудительного порядка, жёсткое подчинение народов и групп населения. Все это вызывало необходимость привлечения более широкого круга методов исследования: историзма, хронологического, сопоставления, сбалансированности и других. Это подтверждается и изложенным иллюстративным материалом.

Результаты. В предлагаемой статье на примере регионов Кавказа России и частично Закавказья прослеживаются итоги и последствия такой карательной меры как принудительное переселение граждан и народов, депортация групп населения. В основу взят принцип переселений накануне и в период войны 1941 – 1945 гг. в Союзе ССР, выявление причин использования этих бесчеловечных, безнравственных по своей сути приемов манипулирования и карательных действий по отношению к личности. В их числе формирование бифуркационного состояния, позиция населения по отношению к государству и власти. Приведены статистические данные, повлекшие по этой причине смерти населения.

Выводы. Решение проблемы возможно только при условии обобщенного изложения материала отмеченных процессов, как применительно к группе народов, так и к казачеству в хронологических рамках исследования. Это и возможность выявления определенного несоответствия в оценках истинного положения в регионе в 1940-е годы, необходимости проведения разного рода зачисток территорий. Однако это противоречило мерам по консолидации общества, содействовало возникновению глубокой пропасти между властью и народами, независимо от их национальной принадлежности, усугубляя и без этого социальное положение этнических общностей в условиях предвоенного и военного времени – 1940-х годов. Однозначно необходимо обустривать сообщество народов таким образом, чтобы подобные меры никогда не находили применение на практике.

Ключевые слова: Кавказ, горцы, казаки, переселения, трудмобилизация, интернационализм, этнические общности, спецпереленцы, рабочие колонны

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Кавказ: горцы, казачество и национальные меньшинства (вторая половина 1930-х 1945 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 2. с. 33-57.
doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-33-57

Nikolai F. BUGAI

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

CAUCASUS: HIGHLANDERS, COSSACKS AND NATIONAL MINORITIES (SECOND HALF OF 1930s – 1945)

Introduction. Forced relocation in the life of states is a mechanism for implementing state measures, but not its policy. The concept of “repressive policy” is also a failed brand of the time of the 1990s. in the context of heightened feelings in society. No state can call its policy “repressive”. Therefore, when using such a statement, it would be appropriate to consider the possibility of combining verbal generalization with reality. The purpose of the article is to summarize the transformations that the mountain population and the Russian Cossacks underwent, living together for centuries in the North Caucasus.

Methods. The region is distinguished by its specificity: multinationality, multi-confessional, rich event series, the difficulties of the conditions of social development, the historical process. In this connection, consideration of the presented problem from different angles is valuable: time limits related to the pre-war and wartime situations, existing assessments of the actual state of affairs under the Stalinist regime, which resorted to the use of such a principle as managing the development of society internationalism. He suggested the use of measures of compulsory order, the strict subordination of peoples and groups of the population. All this necessitated the involvement of a wider range of research methods: historicism, chronological, juxtaposition, balance, and others. This is confirmed by the outlined illustrative material.

Results. In the proposed article, on the example of the regions of the Caucasus of Russia and partially of the Transcaucasus, the results and consequences of such punitive measures as forced relocation of citizens and peoples, deportation of population groups are traced. It is based on the principle of resettlement on the eve and during the war of

1941-1945 in the USSR, identifying the reasons for the use of these inhuman, immoral inherently methods of manipulation and punitive actions in relation to the individual. Among them is the formation of a bifurcation state, the attitude of the population towards the state and the authorities. The statistical data that caused the death of the population for this reason are given.

Conclusions. The solution of the problem is possible only under the condition of a generalized presentation of the material of the noted processes, both in relation to a group of peoples, and to the Cossacks in the chronological framework of the study. This is the possibility of identifying a certain inconsistency in the assessments of the true situation in the region in the 1940s., and the need to conduct various kinds of sweeps. However, this contradicted measures to consolidate society, contributed to the emergence of a deep divide between power and nations, regardless of their nationality, aggravating the social position of ethnic communities without it in the prewar and wartime conditions of the 1940s. It is definitely necessary to equip the community of nations in such a way that such measures never find application in practice.

Key words: Caucasus, mountaineers, Cossacks, resettlement, labor mobilization, internationalism, ethnic communities, special figures, workers' columns

For citation: Bugai N.F. Caucasus: highlanders, Cossacks and national minorities (second half of 1930s-1945). Historical and Social-Educational Idea. 2019. Vol. 11. No.2. Pp. 33-57

doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-33-57 (in Russ)

Это уже история советской государственности 1930-х – 1940-х годов. Среди запретных и сложных тем, несомненно, следует назвать положение горцев Кавказа, составлявших основную часть населения формировавшихся государственных образований, а также проживавшего совместно с ними российского казачества как в изучаемый период, так и в последующие времена. Именно на территории Северного Кавказа казачество было сосредоточено в Кубанском, Донском и Терском казачьих войсках.

Попытки отдельных исследователей [68; 43; 44; 1] не завершились успехом, а ознаменовали собой только контуры подступов к изучению этого сложного периода истории, связанного с принудительными переселениями в Союзе ССР, трудовой повинностью, непосильным трудом в системе созданного для принуждения ГУЛАГа, ужесточением паспортного режима, формированием специальных территориальных зон с запрещением проживания для многих категорий граждан и др.

Следует сразу же отметить, что попытки этих исследователей, их результаты были с интересом восприняты общественностью Союза ССР и за рубежом. Это была новая страница истории «социалистического эксперимента» на территории Союза ССР. Однако предложенные авторами исследования страдают слабой источниковой базой. Исследование А.И. Солженицына о ГУЛАГе (1974), это уже отмечалось в литературе, мало опирается на исторические архивные документы. Ничем другим не отличались исследования и Александра Некрича, хотя применительно к тому жесткому времени и действию системы управления социальными процессами в Союзе ССР это был смелый порыв ученых [43; 44; 52].

Правда, историк и географ П.М. Полян выражает свое недовольство тем, что исследователю А.И. Некричу якобы незаслуженно ставится в упрек пренебрежение архивными материалами. П.М. Полян даже рассматривает такого рода заме-

чение как «некорректное». Кстати, сам А.И. Некрич заявлял в своем выступлении о той недоступности архивных документов, которая царила в Союзе ССР именно в период написания им своих исследований по данной проблеме.

К сведению П.М. Поляна, замечания по работам А.М. Некрича высказывались в литературе и ранее, в частности со стороны А.П. Кучкина по поводу научного труда А.М. Некрича «1941. 22 июня». Рецензент констатировал неприятие им содержащихся в исследовании некоторых идей и оценок автора [60, с. 127]. «А. Некрич отнюдь не скрывал своих источниковедческих слабостей, выразившихся прежде всего в основательном использовании материалов, содержащихся в работе Х.И. Хутуева, которому он отвел почетное место в историографии проблемы», - пишет в своем исследовании и Х.-М.А. Сабанчиев [59].

В связи с рассматриваемым вопросом историк В. Снитковский (Бостон), анализируя работы Лейкача, Я. Этингера, Клейна (США), Шатуновской (Москва, Россия), также замечал: «Безусловно, нельзя забывать и о таких писателях, как Р. Конквест (автор "Большого террора") и С. Коэн (автор "Бухарин: политическая биография. 1888-1938"), об авторах "Утопии у власти" Геллере и Некриче. Но все они не имели доступа к советским архивам. "Откровения" Хрущева они восприняли за "чистую монету". На многих произвели впечатление глупости подсчетов людских потерь Кургановым и Солженицыным» [62].

Аналогичный недостаток характерен и для других ученых, обществоведов, политиков советского периода в Союзе ССР, прикасавшихся в той или иной мере к рассматриваемой проблеме, что, конечно, было обусловлено теми же причинами [26; 25, с. 587]¹.

Если обратиться к источниковой базе вопроса, то она была скудной также по причине отсутствия доступа к закрытым архивным документам. Исследователи скорее ограничивались упоминаниями о положении кавказских горцев, характеристикой преобразований их социальной среды, участия в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

В основе исследований событий, связанных с репрессиями групп населения 1920-1930-х годов, выступает анализ процесса реализации на практике известного Декрета советской власти от 5 сентября 1918 г. о красном терроре. Его положения подчинены мерам по освобождению республики от классовых врагов как «путем изолирования их в концентрационных лагерях», так и путем реализации прямых указаний «расстреливать всех лиц, сопричастных к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам» [36, с. 122].

Конечно, что касается историографии проблемы, сформировавшейся начиная с середины 1990-х годов в России в новом ее формате, то эти исследования отличаются прочной опорой на источниковую базу. В них раскрываются в той или иной мере достоверно происходившие процессы среди горцев и казачества, связанные с принудительными переселением и другими применявшимися в отношении них карательными мерами со стороны власти. Историков привлекает эта проблема с точки зрения ее анализа литераторами. Первый подобный опыт показывает, что симбиоз можно считать удачным [24, с. 360]. Исчерпанность данных о потерях в войне 1941–1945 гг., а также от проводимых мер деструктивного воздействия на отдельные этнические общности в период принудительных переселений граждан в 1930-е – 1940-е годы были ощутимыми потерями. Это не могло

¹ Это одна из первых научных работ в советской историографии, в которой было заявлено и представлена частичная информация о принудительном переселении калмыков.

не наносить ущерб всему многонациональному сообществу государства в плане сокращения людских ресурсов, экономике регионов. Изучение этой сложной проблемы исторической науки ценно в плане познания основополагающих принципов обустройства народов в Союзе ССР, ответа на вопросы, каким образом вырабатывались механизмы отношений по вектору «народы и власть», а также между этническими общностями. Тема, несомненно, актуальна, и требует к себе внимания.

Эти знания важны и для решения приоритетных проблем организации этнических общностей: государственность, территориальный аспект, образование, сохранение исконных территорий, обеспечение социальной политики, взаимовосприятие, доверие, воспитание культуры межнационального общения и конструктивных отношений между народами, объединенными единой целью - построение своего государства на широких демократических основах, международный аспект и т.д. Названные составляющие процесса формируют главную задачу перед современными обществами - не допускать подобных социальных явлений ни в настоящем, ни в будущем.

Вряд ли можно возразить против того, что подобные меры принудительного характера привносят в общество недоверие, изменение характера отношений к власти, создают базу для межнациональных столкновений, наносят ущерб гармонизации межнациональных отношений, расшатывают устои государственности, консолидированного сообщества народов на территории одной страны, ее составляющих.

В статье автор сосредоточивает внимание на этнических общностях, подвергшихся принудительному переселению накануне и в годы войны 1941-1945 гг. на территории Кавказа, в первую очередь горцев и казаков, учитывая хронологический принцип проведения этих бесчеловечных и безнравственных акций.

Публикации 1990-х годов позволили в конечном итоге возвратиться к такой важной проблеме, как предпринимавшиеся репрессивные меры по отношению к казачеству, имевшие особо жесткую форму в 1920-е годы¹.

По данным Е.Ф. Жупиковой, в 1918-1920 гг. из 70 станиц терских казаков, где проживало около 288 тыс. человек, было выселено около 25 тыс. казаков. В то же время Е. Жупикова не рассматривает эти акции как принудительное переселение казаков. В них она усматривает в первую очередь решение важной политической задачи, «стремление советов провести "черный передел" в Терской области, решить, как она предполагала, земельный вопрос по справедливости» [20].

Таким образом, события 1918 г. - начала 1920-х годов определяли в значительной мере отношение к казачеству устанавливавшейся власти. Несомненно, оно формировалось не в среде казачества, а в Центре Советской Республики.

3 ноября 1921 г. ВЦИК издал Декрет «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях».

¹ На Северном Кавказе исторически располагаются регионы проживания также астраханских казаков («Астраханское отдельное окружное казачье общество», Астраханская обл.) и казаки-калмыки (Республики Калмыкия). На территории современного Южного федерального округа дислоцируются казаки обществ «Всеволодского войска Донского» (Ростовская и Волгоградская области с центром в г. Ростове-на-Дону), «Кубанское войсковое казачье общество» (Краснодарский край, Республика Адыгея и Карачаево-Черкесская Республика – с центром в Краснодаре), «Терское войсковое казачье общество» (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания с центром в Ставрополе). В северной части Дагестана казачество, организованное в Кизлярский округ, входит в состав реестрового Терского войскового общества.

К концу 1920-х годов на территории Союза ССР сформировалась тоталитарная система управления обществом, когда главным принципом выступал принцип управления, а не регулирования общественными процессами, в том числе и межэтническими отношениями.

Казаки в Советской Республике, Советском Союзе оказались в числе первых из когорт населения, подвергшихся жесточайшим репрессиям. Изучали проблему только зарубежные ученые, как, например, Филипп Лонгворт и другие, оставившие интересные исследования по истории зарубежного казачества.

В России к этой теме обратились только в 1990-е годы. В основном вопрос рассматривался в исследованиях по истории российского казачества, казачьих войск. В оценках авторов просматривается общая тенденция: наряду с принудительными переселениями казачества практиковалось и прямое, насильственное уничтожение казаков в концентрационных лагерях Севера страны (Архангельская обл. и др.), параллельно с многоступенчатой реабилитацией как в 1920-е годы, так и в последующее время.

Послабление отношения к казачеству в целом произошло после апрельского пленума ЦК РКП(б) 1925 года. Амнистия репатриантов и служивших в белой гвардии 1925 года, исключение многих казаков из «черных списков» охватили примерно 50% лишенцев в станицах Северного Кавказа [27, с. 35; 61, с. 38]. Но эта мера коснулась только лиц, доказавших лояльность власти. Летом 1925 г. амнистия была прекращена. Сказался провал коммунистов на местных выборах 1925 г., в чем были повинны и казаки.

Однако, как отмечается в названных трудах, «нет оснований для преувеличенно оптимистических оценок "консенсуса" РКП(б) и казачества в 1924-1926 годах». Партийное руководство долго считало все казачество контрреволюционной силой. И действительно, введенное в начале 1927 г. чрезвычайное положение в Северокавказском крае (1924-1937 гг.) подорвало в корне возможность компромисса между казачеством и властью.

Только казаков, в основном русских, из южных районов России после Октябрьской революции 1917 г. и в ходе Гражданской войны было подвергнуто репрессиям более 1,5 млн человек [27, с. 4,5]. Продолжался геноцид в отношении казаков и в дальнейшем.

Казачество Юга России (да и других регионов Союза ССР) в целом до середины 1930-х годов переживало своеобразную реверберацию. Любые попытки возмущения казачества против политики режима тут же с яростью пресекались окриком со стороны партийных и государственных органов власти. Слово «казак» категорически запрещалось к употреблению. Историография казачества этого периода также отличается своей скудостью. Только с середины 1930-х годов, в связи с возрождением и распространением влияния фашизма в Европе, в Союзе ССР усиливалось внимание к казакам, что объяснялось возможностью использования его ресурса и военного опыта в случае возникновения угрозы войны.

Волна арестов набирала обороты. Всего по политическим мотивам в 1920-1930-х годах было осуждено более 3 млн человек, из них 14,5% (416 932) - в 1920-е годы и 85,5% - в 1930-е годы. Причем на два года, 1937-1938, приходится 43,7% осужденных по разным причинам «врагов народа» [27, с. 35], значительную часть из которых составляли казаки России. Численность выселенцев в последующем заметно возрастала. Применительно к Северокавказскому краю в 1931 г. они составили 120 356 человек (20 809 семей) [ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47]. А всего в 1931-1932 гг. было выселено 171 993 человека (38 404 семей). Из

них 25 955 семей убыли на Урал, 12 409 - во внутренние районы европейской части РСФСР [17; 28, с. 125].

Как известно, и до середины 1930-х годов в Союзе ССР имела широкое применение такая форма репрессий, как принудительное переселение. Последующий этап реабилитации казачества определился к середине 1930-х годов. А.П. Скорик и В.А. Бондарев верно замечают, что было очевидным стремление сталинского режима «установить союзнические отношения с казачеством». С этим были связаны и определенные послабления в жизни казачества: право носить свою форму, служить в РККА, пропагандировать «казацкую культуру», налаживать систему подготовки молодых казаков и т.д. [61, с. 38; 2, с. 125]. Последующие акции, связанные с реабилитацией, следовали уже в послевоенное время, однако они не получили логического завершения.

Сложное экономическое положение дополнялось и политическими акциями в гуманитарной сфере, что проливает свет на формировавшееся отношение между самыми многочисленными этническими группами населения - русскими и казачеством. В этом плане особенно характерной является кампания 1930-х годов по украинизации населения на территории Северокавказского края.

Русско-украинское население было представлено на Кавказе главным образом украинцами, выходцами с территории Украины, и русскими, выходцами из центральных губерний Черноземной полосы (Курская, Тамбовская, Воронежская и др. губернии), так называемые иногородние¹.

Проведение этой кампании заметно обострило отношения между казачеством и местным населением. В марте 1927 г. совещание секретарей украиноговорящей секции райкомов постановило, что главнейшей задачей их работы должна стать культурно-политическая воспитательная работа среди населения на украинском языке. Увеличивалось количество книг, газет и журналов на украинском языке («українська мова»). Станица Полтавская становилась центром своеобразной украинизации [16, с. 824-825].

В этом плане интересный материал содержит Справка ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северокавказского края от 3 мая 1928 г. Сообщалось, что в Кубанском округе, Ейском, Кущевском районах украинизация школы «не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения. В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство как и среди иногородних, так и казачества» [69, с. 57].

Уже в самом начале введения украинизации школы общество раскололось по отношению к этому движению. В школе это отношение учителей, учеников и ро-

¹ На период установления советской власти в казачьих войсках, по приблизительным данным, насчитывалось в Донском казачьем войске – 1,4 млн человек, включая и казаков-калмыков – 32 тыс. человек; в Кубанском казачьем войске – 1,3 млн человек; в Терском казачьем войске – около 280 тыс. казаков. Накануне войны 1941–1945 гг. численность казаков заметно сократилась, что было обусловлено проводимыми разного рода кампаниями советской власти по ликвидации казачества. Среди славянских народов, по обобщенным данным Н. И. Никитина, к 1917 г. на Северном Кавказе русские составляли 71,5%. Численный состав русских не оставался постоянной величиной. На его уменьшение воздействовали и Октябрьская революция, и особенно Гражданская война 1920–1922 годов. (Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 115; См. также: Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности [1990-е годы – начало XXI века]. М., 2011.

дителей. Последние занимали в Кубанском округе принципиальную позицию и рассматривали украинизацию как вредную меру, приводя при этом различные аргументы с учетом здравой логики.

Разумеется, среди учителей, особенно среди подготовленных для преподавания украинского языка, возникали группы, которые выступали за его изучение в школах. Они видели в складывавшейся ситуации «недостаточное желание советской власти идти навстречу национальным стремлениям народностей», заявляя при этом, что, «несмотря на всевозможные обещания, советская власть на деле проводила исключительно русификаторскую политику». Учителя по собственной инициативе создавали группы для изучения украинского языка.

Одним словом, кубанское сообщество разделялось на несколько групп на пути к выработке единой позиции по этому вопросу. Под покровом украинизации зачастую возникали предпосылки для самостийного движения в Кубанском округе. В избах-читальнях, в противовес желающим изучать только русский язык, создавались литературный и другие кружки, группы по изучению украинского языка. По роду своей деятельности они отличались антисоветской направленностью [РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.127. Л.200-203; 69, с. 573-575].

Правда, продлился этот процесс не так долго. «Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» за подписью Председателя СНК Союза ССР В. Молотова (Скрябина) и Секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина от 14 декабря 1932 г. свидетельствует о том, насколько были связаны меры по осуществлению хлебозаготовок в таких регионах, как Северо-кавказский край и Украинская ССР в частности, с украинизацией населения [23, с. 78-79].

В 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О прекращении украинизации». «Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов "украинских" районов, а также все существующие газеты и журналы с украинского языка на русский язык, как более понятный для кубанцев, а также к осени перевести преподавание в школах на русский язык...», - читаем в постановлении. Указание было выполнено в короткие сроки. Украинизация населения не состоялась.

На территории края во второй половине 1930-х годов заметно возросла численность русского населения и сократилось украинское население - более 3 млн человек. В ходе паспортной кампании многие были зафиксированы как русские. Из обихода устранялся украинский язык, как и само слово «казак». Преподавание в школах, СМИ переводились в 1934-1935 гг. на русский язык. Украинское население становилось русским. Кампания по искусственно проводимой украинизации населения, отстаиванию системы преподавания на украинском языке завершилась [19, с. 135-138; 20, с. 62-68].

Утверждение, встречающееся в последнее время в литературе, о том, что 80% всех казаков России оставались непримиримыми врагами советской власти [47], не совсем соответствует действительности. Там, где большевики вели пропагандистскую работу, казачество поддерживало лозунги власти и партии. Вероятно, это было в большей степени характерным для Оренбургского, Уссурийского казачеств, чем для казачества Донского и Кубанского округов.

В конце 1932 - начале 1933 г. последовало уже известное в истории Союза ССР принудительное переселение казачьего населения «чернодосочных станиц»

Северокавказского края¹. В общей сложности, по данным Е.Н. Осколкова, в столь отдаленные места на сей раз последовали свыше 61,6 тыс. жителей станиц с территории Кубанской и Донской казачьих областей.

Эта репрессивная мера - занесение на «черные доски», практикуемая партией коммунистов (автором ее выступил упоминавшийся выше небезызвестный партийный деятель Л.М. Каганович), применялась непродолжительное время. Она коснулась судьбы 13 станиц, располагавшихся на территории нынешнего Кубанского округа и некоторых населенных пунктов Донского округа. Занесение на «черные доски» проводилось на основании Протокола № 29 (декабрь 1932 г.) совместного заседания бюро Северокавказского крайкома ВКП(б) и Комиссии ЦК ВКП(б) [23, с. 78-79].

Такой подход в решении проблемы имел свои результаты. 26 апреля 1935 г. один из руководителей ОГПУ М. Берман докладывал Г. Ягоде: «Доношу, что закончен прием в трудпоселках хозяйств, выселенных из национальных районов Северного Кавказа. Всего принято 4711 семей (22 496 чел.), в том числе в трудпоселении Северокавказского края 3215 семей (14 661 чел.), в трудпоселки Узбекистана 841 семья (4560 человек). Происшествий при приеме не было» [21, с. 6].

На начало 1938 г. трудпоселенцы, занятые в народном хозяйстве Союза ССР, составляли 353 912 человек. Это была поистине даровая сила. С принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 г., согласно ее ст. 135, трудпоселенцы, включая и казаков, объявлялись полноправными гражданами.

Что касается горцев, то казачество было адаптировано как к местным условиям, так и к населению, и эти отношения характеризовались консенсусом во многих начинаниях, взаимодействием в сфере экономики и культуры.

Замена воспитания карательными мерами, что, конечно, было более легким занятием, приводила к сокращению численности казачества, его насильственному перевоспитанию на советских принципах; утрачивались многие традиции и обычаи, выработанные поколениями казаков России. С этим не могла мириться и образованная часть казачества, в первую очередь офицерства, поэтому не случаен тот факт, что казаки, несогласные с политикой советской власти и ее лидерами на местах, частью оказались в стане врага и в годы Великой Отечественной войны.

20 апреля 1936 г. вышло постановление ЦИК Союза ССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» [51]. Три дня спустя появился приказ Наркома обороны СССР К. Ворошилова, на основании которого с 15 мая 1936 г. переименовывалась 12-я территориальная кавалерийская дивизия, дислоцировавшаяся на Кубани, в 12-ю Кубанскую территориальную казачью дивизию, а 4-я кавалерийская Ленинградская Краснознаменная дивизия - в Кубанско-Терскую [50]. Все это объяснялось обострением обстановки накануне войны.

Мало что давали казачеству, русскому населению и проводимые административно-территориальные преобразования на юге республики. Фактически даже и то, что было сделано ранее в отношении казаков, сводилось к нулю. Постановлениями ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. Президиум Северокавказского крайисполкома 7 августа 1930 г. упразднил 10 русских (казачьих) округов без ка-

¹ В конце 1920-х Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа. Дисс... к.и.н. Ростов-на-Дону, 1965; он же: Восстановление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.

кого бы то ни было предварительного обсуждения. В дополнение к геноциду казачества как интеллектуальной части общества добавлялся еще и территориальный геноцид.

Конечно, история казачества имеет и теневую сторону. На пути к исторической правде не стоит ничего идеализировать. Остается на совести исследователей вопрос: что же все-таки привело определенную часть казаков (11 тыс. человек) во главе с 20 казачьими военачальниками в стан фашистов в годы войны?

Через казачье управление Гиммлер умело использовал казаков в борьбе с Красной армией. «Были казачьи части и в "Русской освободительной армии" (РОА) генерала А.А. Власова (около 500 человек)», - сообщал в июне 1945 г. начальнику Главного управления НКО СССР генерал-полковнику Голикову начальник Первого управления НКГБ СССР И.М. Фитин. Судьба этих людей сложилась трагически. Дислоцировавшиеся в Северной Италии казаки, в связи с занятием ее войсками союзников, были переправлены 5 мая 1945 г. в Австрию (г. Лиенц). Затем они были переданы командованию Красной армии и нашли свое последнее пристанище в трудовых лагерях [ГА РФ. Ф.-Р.9401. Оп.1. Д.2213. Л. 91-151, 321-322; Ф.5446. Оп.2. Д.54. Л.121].

Однако традиции казачества оставались прочными в среде проживавших наследников казаков. И не случаен тот факт, что в новых условиях России казачество прочно занимает свои жизненные позиции.

Отдельные представители национальных регионов на юге страны также получили возможность на практике проявить себя противниками существовавшего режима власти. Этот фактор находил отражение во многих сферах жизнедеятельности. Поэтому последовали выступления и открытого (бандитизм), и скрытого характера (заговоры) против политики центра, режима власти, мер, проводимых партией коммунистов. Ответными стали действия в глубоком тылу (а Северный Кавказ поначалу рассматривался именно как глубокий тыл войны), правительство перешло к использованию более жестких мер.

Конечно, принудительными переселениями наносился огромный ущерб и населению национальных регионов Кавказа. В числе этнических общностей оказались карачаевцы, чеченцы, ингуши, чеченцы-аккинцы (северные районы Дагестанской АССР), балкарцы, примыкавшие к Северному Кавказу калмыки [18; 57; 14; 6, с. 294-311]; в Закавказье из горских народов - турки-месхетинцы, курды, хемшины, лазы, частично сваны, а также цыгане.

Карачаевцы. Научную ценность представляют работы о принудительном переселении народов Северного Кавказа, выполненные в обобщающем плане. В их числе диссертация и публикации по истории принудительных переселений карачаевцев в конце 1943 г. Э.А. Аджиевой [2]. Автор дает свое толкование процессам, имевшим место на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны, рассматривая принудительные переселения в сфере социального конфликта как проявление исторического индетерминизма. Ею же дается и определение составных частей политического управления обществом в рассматриваемый период, выделяется главная из них.

Э.А. Аджиева рассматривает в этом случае «жесткий контроль», который «занимает над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром значительное место». По мнению автора, благодаря контролю, успешно решались задачи «полной трансформации человека, конструирования нового типа личности с особым психическим складом, особой ментальностью, мыслительными и поведенческими характеристиками путем стандартизации, унификации индивиду-

ального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некоему среднестатистическому знаменателю, стерилизации или, во всяком случае, подавления индивидуального, личностного начала в человеке».

Одновременно автор не утруждает себя и необходимой проверкой количественных характеристик самого процесса переселения. Без указания на источник, по ее данным, «в спецпоселениях и спецлагерях, на лесозаготовках и в рудниках погибло: чеченцев и ингушей - свыше 200 тыс. человек, в том числе 20 тыс. чеченцев-аккинцев (это при выселении 14,5 тыс. человек. - Б.Н.) [12, с. 54], карачаевцев - около 40 тыс. чел., балкарцев - 20 тыс. чел., калмыков - более 120 тыс. человек» (в действительности 15 206) [25, с. 587]. В подсчет не было включено число погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Поэтому этот аспект требует более серьезного и осторожного подхода к подобным заключениям автора.

Э.А. Аджиевой следовало бы учитывать исходные сведения о принудительном переселении названных этнических общностей. По данным Справки о числе родившихся и умерших спецпереселенцев за период с 1 января 1945 г. по 31 декабря 1950 г., численность умерших среди выселенных с территории Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, греки и др.) составила 104 903 чел., калмыков - 15 206 человек [ГАРФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.436. Л.67; 55, с. 32-33; 70, с. 31]. Удивляет то, что при этом автор призывает проверить данные по этому вопросу, опубликованные А. Некричем [44].

Калмыки. В 1990-е годы заметный вклад в разработку исследуемого вопроса внесли ученые не только Калмыцкой Республики, но и исследовательских центров других городов. Обобщение проблема получила в работе К.Н. Максимова [38; 39, с. 330-301, 351].

Автор расширил круг вопросов принудительных переселений и реабилитации этнической общности, рассматриваемых им в первой половине 1990-х годов [3; 63].

Естественно, К. Максимов не мог обойти стороной проблему принудительного выселения калмыков и других этнических общностей, проживавших на их территории (немцы и др.). С привлечением новых документальных материалов глубоко рассмотрены предвоенные годы в республике, складывание ситуации в связи с приближением фашистских войск к территории Северного Кавказа и непосредственно Калмыцкой АССР, позиции тех, кто оказался на стороне врага; впервые раскрыты им и меры по реабилитации калмыков в 1950-1960-е годы.

Благодаря привлечению новых документов К.Н. Максимов внес уточнения в различные количественные характеристики процесса принудительных переселений в республике (с учетом того, что выселенных калмыков в принудительном порядке в ссылку и из Сталинградской области, и из Астраханского округа, по данным К. Максимова, было 101 829 чел.).

Автором сделан вывод, что в условиях той ситуации судьба калмыков в республике была предопределена. В связи с этим К.М. Максимов выражает справедливое несогласие с точкой зрения А.М. Некрича, который переоценивает роль партийных органов Калмыкии и Крыма, утверждая, что «на заключительном этапе и Крымский, и Калмыцкий обкомы ВКП(б) пытались предотвратить роковую развязку» [43, с. 521].

На основе многочисленных архивных документов, в частности докладных записок секретаря по кадрам обкома партии П. Касаткина и наркома госбезопасности республики А. Михайлова, К. Максимов доказывает, что все было как раз наоборот [38, с. 300-301].

Многие из калмыков, принудительно переселенных на Восток, не смогли перенести лишения и тягот переезда, голод. Одно за другим поступали сообщения из краев и областей о высокой смертности калмыков-спецпереселенцев как в пути следования, так и в районах прибытия. Если на первый квартал 1944 г. из 81 294 калмыков умерли 4205 (4,9%), то на первый квартал 1945 г. из значившихся 80 905 калмыков умерших было 1288 (1,5%), а в первом квартале 1946 г. из 79 487 - 566 (0,7%). С момента депортации (1943 г.) и до апреля 1946 г. значилось 14 343 умерших [8].

Рождаемость среди калмыков была крайне низкой. Имеются и другие данные, в частности, как отмечалось ранее, в Справке о численности родившихся и умерших спецпереселенцев за период с 1 января 1945 г. по 31 дек. 1950 г. численность умерших калмыков составляла 15 206 человек [ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.436. Л.67; 55, с. 63].

К. Максимов приводит другие сведения о смертности калмыков в условиях принудительного переселения. Из всех переселенных 101 829 калмыков с 1944 по 1955 г., по обобщенным сведениям автора, в ссылке умерли 34 949 калмыков, из них детей - 18 310 человек [38, с. 300-301, 351]¹.

Как и другие контингенты спецпереселенцев, калмыки терпели неудобства, лишения от проводимых повторных переселений в тех краях, областях, республиках, в которые были определены для проживания [8; 10; 41; 48; 42; 46; 39].

В Чечено-Ингушской Республике в первой половине 1940-х годов проживало 731,7 тыс. жителей, в том числе 387,8 тыс. *чеченцев* (52,8%), 75 тыс. *ингушей* (12,0%), 205,8 тыс. русских (27,8%), 57 тыс. - прочих (7,4%) [ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.925. Л.5]. Принудительные переселения испытали на себе ингуши, чеченцы и чеченцы-аккинцы. История этого периода активно и обстоятельно изучалась в последнее десятилетие, в том числе в работах, посвященных демографической обстановке в регионе [71].

Авторами выявляются причины изменения демографической обстановки в зависимости от переселений во всех этнических общностях, а также регионах страны. И в исследовании Д.М. Эдиева эти последствия показаны применительно к 10 принудительно переселенным этническим общностям с территории Северного Кавказа и аргументированы выводы о деформации структуры населения региона [71; 49; 21, с. 100-110].

Слабое экономическое развитие республики, примитивная сельскохозяйственная база, заметное засилье клерикализма, культурная отсталость создавали определенные трудности в развитии республики в 1920-1930-е годы.

Задуманные планы восстановления экономики национальных регионов Кавказа не достигали своего логического завершения. Тяжело протекала и коллективизация сельского хозяйства и связанная с ней индустриализация. Требовались, вероятно, совершенно иные подходы в объединении и мобилизации колхозного крестьянства, интегрирование его в новую экономику. Не следует забывать, что рассматриваемые регионы по ведению хозяйства были чисто аграрного направления.

¹ Кстати, что касается калмыков, то их в качестве «исчезнувших» рассматривал профессор Р. Конквест, заметив в своих воспоминаниях «калмыки просто исчезли с географической карты» (См. Поиск, 31 мая – 6 июня 1991). Как этническая общность калмыки никуда не исчезали, они проживали в качестве принудительных переселенных около 13 лет.

В той ситуации вполне допустимы были и отступления от создания колхозов, которые были более приемлемы в землепашеских регионах страны, но не всегда отвечали интересам горского крестьянства. Все это не могло не волновать горское крестьянство, и оно по-своему сопротивлялось проводимой партией и органами государственной власти политике.

В конце 1930-х - начале 1940-х годов прокаталась мощная волна восстаний, направленных против объединения в колхозы. Несмотря на жесткие карательные методы, стабилизировать обстановку не удавалось. Ситуация в аграрном секторе оставалась сложной вплоть до Великой Отечественной войны. Вспышки и восстания продолжались одно за другим.

В качестве причины применения принудительного переселения рассматривается и отказ от службы в Красной армии, наличие дезертирства и уклонения от службы. Это положение еще более усугублялось предвоенной обстановкой и войной 1941-1945 гг. И здесь остро чувствовались последствия коллективизации, ощутимой оставалась социальная напряженность. Недовольные проводимыми мерами граждане объединялись в группы.

Своевременные принятые меры по ликвидации групп недовольных содействовали тому, что уже в 1939 г. с их выступлениями в республике в основном было покончено. Были арестованы и осуждены 1032 участника акций и их пособников, а еще, в дополнение к ним, 746 беглых кулаков [ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.925. Л. 2, 35, 36]. Несмотря на это, ситуация в республике, как и в соседних с ней регионах, оставалась напряженной.

В 1941 г. положение вновь обострилось. На июль 1941 г. на территории республики было зарегистрировано 20 бандитствующих группировок (84 чел.), занимавшихся разбоями, грабежами, убийствами. Последовал приказ Л. Берии о ликвидации антисоветских выступлений в Чечено-Ингушской АССР. В числе действовавших оставалось четыре группы, работа по их ликвидации продолжалась. Была заметной определенная растерянность в партийных и советских органах власти. В Чечено-Ингушской АССР бросили работу и скрылись 80 чел., в том числе 16 партработников, 8 работников райисполкома, 14 председателей колхозов [15].

В конце февраля Берия информировал И. Сталина об отправке из Чечено-Ингушской АССР 478 479 чеченцев и ингушей, сюда же входили и чеченцы-аккинцы Дагестана (3142 семьи - 14 901 чел.) [70, с. 31]. Ингушей насчитывалось 91 250 человек.

По данным отдела спецпоселений МВД СССР, среди возвратившихся с фронта спецпереселенцев Северного Кавказа насчитывалось 710 офицеров, 1696 сержантов, 6488 человек рядового состава [ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.436. Л.98-99]. Они также пополняли ряды принудительно высланных граждан.

Государственность чеченского и ингушского народов прекращала свое существование. Территория республики была разделена между соседними краями и республиками. Эти вопросы были четко проработаны на местах. 24 февраля 1944 г. был предложен составленный план разделения бывшей Чечено-Ингушской АССР.

Несмотря на то, что внесен существенный вклад в разработку вопросов принудительного переселения применительно к *балкарцам*, начало изучению этой проблемы было положено еще в 1960-е годы, вместе с тем и до сих пор остаются невыясненными отдельные ее стороны. В первую очередь это касается численных

характеристик. Так, число прибывших на спецпоселение балкарцев оценивается по архивным данным НКВД СССР в 37 406 человек¹.

Как поясняется в документах Отдела борьбы с бандитизмом НКВД Кабардино-Балкарской АССР, главной причиной этих мер были «бандпроявления» в районах проживания балкарцев.

В декабре 1941 г. из республики поступила информация о действиях 500 человек, занимавшихся нанесением ущерба в тылу, распространением провокационных слухов, деморализовавших население республики [ГА РФ. Ф.-Р.9478. Оп.1. Д.41. Л. 30, 131]. Однако в январе 1942 г. с этими группировками было покончено.

В августе 1942 г. пять районов Кабардино-Балкарской АССР заняли немецкие войска. 24 октября 1942 г. они оккупировали Нальчик.

В начале 1943 г. советские воины при активной поддержке партизан освободили Кабардино-Балкарскую АССР и в республике сразу же начались восстановительные работы.

Л. Берия доложил И. Сталину, что с 8 по 11 марта 1944 г. «балкарцев выселено 37 103 человека». По другим данным, было выселено до 40 тыс. балкарцев.

Прекратила свое существование и совместная государственность кабардинцев и балкарцев. Территория проживания балкарцев разделялась между другими административными образованиями, однако значительная часть ее оставалась в составе созданной Кабардинской АССР.

В мае 1944 г. на территории республики была проведена дополнительная операция по выселению. На сей раз она коснулась активных немецких ставленников, предателей и изменников Родины. В эту категорию были зачислены 710 семей (2467 чел.), главным образом кабардинцев. Выселение проводилось по уже отработанной схеме. Несколько иные данные были представлены бывшим на посту секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС в годы войны Т.К. Мальбаховым. По его сведениям, «в целом выселили вместе с балкарцами с такими же обвинениями более 5000 кабардинцев тогда же следом за балкарцами. Все они вернулись» [40, с. 390]².

Выселением балкарцев заканчивалась эпопея массовых принудительных переселений с территории Северного Кавказа. В обобщающей записке Л. Берии на имя Сталина (июль 1944 г.) указывалось, что с территории Северного Кавказа было переселено чеченцев и ингушей 496 460 чел., карачаевцев - 68 327 чел., балкарцев - 37 406 человек. Все они распределялись для работы на предприятиях промышленности и в сельскохозяйственной сфере республик Средней Азии и Казахстана, а также в отдельных областях и краях РСФСР.

Данные о численности потерь балкарского населения в ходе принудительных переселений заметно разнятся. Несомненно, они должны опираться прежде всего на архивные документы. По сведениям Ф.С. Эфендиева, «балкарцев за годы

¹ В публикуемых данных нередко встречаются разночтения и неувязки. Не всегда ясно, о чем идет речь в публикациях — о числе выселенных или о числе учтенных в момент прибытия на спецпоселение. Судя по всему, чаще имеются в виду именно зарегистрированные в момент прибытия, но тогда надо еще учитывать потери от высокой смертности в пути.

² По сведениям Т.К. Мальбахова, выселялось 36 тыс. балкарцев из 39 тыс. значившихся по переписи 1939 года. Вернулось в республику из Киргизии и Казахстана 39 тыс. человек. В армию в начале 1940-х годов призывались 5,5 тыс. балкарцев [40, 390].

насильственной высылки в Среднюю Азию погибло 20 тыс. человек (50%). 40% потери составили всей численности чеченского населения... (т.е. 130-140 тыс. чел. без ингушей. - Н.Б.), такие же потери понесли крымские татары, калмыки, турки-мехетинцы, карачаевцы».

Переселение балкарцев также протекало в тяжелой форме. Резко возростала смертность от недостатка продовольствия, антисанитарных условий, эпидемий, трудностей адаптации в новых районах расселения. Балкарцы-мужчины, по данным архивных документов Совета Министров Киргизской ССР, были оставленными по брони передовыми колхозниками, советскими и партийными работниками, сотрудниками госбезопасности и управления внутренних дел, инвалидами детства, инвалидами грохотавшей войны, столетними старцами, прибывшими в 1944 г. на спецпоселение. Все, вместе взятые, составляли только 18% от общего числа переселенцев. Женщин было около 30%. Все остальные, то есть больше половины, - дети [54; 37].

Непосредственно в южных районах Грузинской ССР проводились широкие меры по укреплению советского тыла. Начало войны заметно усугубило и без того тяжелое экономическое положение, осложнило криминогенную обстановку в стране, в том числе и в Грузинской ССР. Однако это были лишь первые шаги в реализации столь жесткой меры в Закавказье. Беспокоил органы власти и другой фактор. Был очевиден тот факт, что Турция - южный сосед СССР - склонялась к Союзу с Германией, что объяснялось и дислокацией на подступах к границам СССР ее 30 дивизий.

20 сентября 1944 г. появился приказ НКВД СССР «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР *турок, курдов и хемшинов*». Таким образом, сама акция переходила в практическую плоскость. Приказ включал в целом меры практического действия. Так, для организации необходимых подготовительных мероприятий создавались четыре оперативных сектора: Ахалцихский, Адигенский, Аспиндзский и Ахалкалакский (в составе Ахалкалакского и Богдановского районов).

Эти данные в значительной мере совпадают со сведениями, приведенными в справке НКВД СССР о движении численности спецпоселенцев с момента их расселения до июня 1948 г. Отмечается, что к концу 1944 г. было переселено 94 955 турок-мехетинцев, курдов, хемшинов и других.

В Сводке НКВД СССР о движении численности спецпоселенцев с момента их расселения до июня 1948 г. указано, что среди переселяемых турок-мехетинцев, курдов, хемшинов умершие составили 14 895 человек (11,8%). Смертность сокращалась. К 1948 г. она уже составляла 2,8%. В данных НКВД СССР на октябрь 1948 г. отмечается, что среди контингента, принудительно высланного из Грузинской ССР, родившихся было 2873 чел., умерших - 15 432 чел, освобожденных от спецпоселения - 2175 чел., а осталось всего на учете - 80 935 человек [22, с. 9].

Принудительные переселения курдов также были обусловлены международным фактором. Об том свидетельствуют и многие события второй половины 1940-х годов. В одной из неподписанных автором статей на сайте констатируется, что между ноябрем 1944 г. и июлем 1948 г. 19 540 выселенных мехетинцев, курдов и хемшинов, то есть 21% от всех спецперемещенных, умерли. Сведения об умерших за этот период, в том числе из спецпереселенцев Грузии, приведены в таблице.

Таблица 1. Сведения о количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение и о количестве выселенцев и спецпоселенцев, прошедших переучет. 1949 год

Table 1. Information On the Number Of Immigrants And Special Settlers Who Were Initially Resettled To A Special Settlement And On The Number Of Immigrants And Special Settlers Who Were Recounted. 1949.

Наименование контингентов	Всего было переселенцев	Прошли учет	Примечания
Немцы	1 024 722	1 069 041	В числе переселенных немцев 210 600 чел., репатриированных, взятых на учет в 1945 г.
Чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы	608 749	450 034	До 01.07.1948 г. умерло 144 704 чел.
Крымские татары, болгары, греки, турки	228 392	185 707	Умерших 44 125 чел.
Калмыки	91 919	73 727	Умерших 16 017 чел.
Турки, курды, хемшины	94 955	80 346	Умерших 14 895 чел.
«Оуновцы»	100 310	85 391	Умерших 384 чел.
«Власовцы»	148 079	112 882	
Литовцы	49 331	44 814	
«Указники»	16 465	20 852	
«Фольксдойче» и немецкие пособники	5914	6705	
«ИПХ»	1502	814	
Бывшие кулаки	962 256	119 122	В 1941-1948 гг. освобождались от спецпоселения 810 614 чел.
Поляки (из Казахстана)	41 722	32 438	В 1947 г. были освобождены из спецпоселений, но в 1948 г. вновь взяты на учет спецпоселенцев
Итого:	3 332 589	2 275 900	

Начальник отдела спецпоселений МВД СССР полковник В. Шиян.

Источник: ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.436. Л.19-20.

Source: GA RF. F. R. – 9479. Op.1. D.436. L. 19–20.

Вряд ли будет полной этническая картина только на основе анализа отношений по вектору «горцы - казачество». Наряду с ними проживали такие многочисленные этнические общности, как немцы, греки, чехи, цыгане и другие меньшинства, которые пострадали от власти советов в неменьшей степени, хотя мест-

ное население относилось к этим этническим общностям всегда с признанием и уважением, о чем свидетельствуют многие архивные материалы. Тем не менее накануне войны 1941-1945 гг. эти названные общности были также причислены под статус «неблагонадежных» и подверглись принудительному переселению в отдаленные места.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории Грузии проживало 86 696 граждан греческой национальности, прибывших по разным причинам на Кавказ.

Первые политические «кампании» в местах компактного проживания греков по «обезвреживанию инородцев» были организованы уже во второй половине 1930-х годов. Масштабы репрессий против членов так называемой «Греческой контрреволюционной националистической повстанческой диверсионно-шпионской и террористической организации» были настолько объемными, что Посол Греции в СССР вынужден был обратиться осенью 1938 г. в НКВД СССР. Он ходатайствовал перед Правительством СССР о принятии мер по защите неповинных греков.

На основе постановления Государственного Комитета Оборона (ГКО) «О выселении иноподданных из Краснодарского края и Ростовской области» от 12 мая 1941 г. и постановления ГКО от 29 мая 1942 г. № 1828 сс «О выселении государственно-опасных лиц» (греки - иностранноподданные) депортации подлежали и 569 греков - солдат и офицеров Красной армии. В Красную армию призыв грекам был разрешен только летом 1942 года. На основании постановления ГКО о зачистке пограничных районов от 29 мая 1942 г. № 1828 сс уже в мае 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской области было принудительным порядком отправлено 1402 «неблагонадежных» грека. Всего в рамках этой операции из Армении, Азербайджана и Черноморского побережья Грузии (Абхазия) было выселено 16 376 граждан греческой национальности.

Выселение иноподданных греков проходило в рамках отдельной операции согласно постановлению ГКО от 24 июня 1944 г. № 6100 сс. С территории Ростовской области и Краснодарского края были принудительно высланы 8300 греков, не имевших гражданства СССР. На октябрь 1946 г. на спецпоселении пребывало 39 959 граждан греческой национальности.

Меры карательного свойства предпринимались по отношению к грекам и в послевоенное время. По сведениям исследователя Б. Сагария, из общего числа 57 680 человек, принудительно высланных в 1948-1949 гг. из Грузии и Краснодарского края, лиц греческой национальности насчитывалось 4343 (981 семья). Это были лица без гражданства, а также те, кто принял советское гражданство.

Многочисленной по своему составу на Кавказе была и немецкая общность. Восприняли ли немцы власть рабочих и крестьян в 1917 году? Несомненно, да. Оставаясь законопослушной этнической общностью, они наравне с другими народами не только защищали с оружием в руках эту власть, но и отстаивали ее в повседневных буднях, в труде, участием в охране общественного порядка, на службе в милиции, Красной армии, которой приходилось в тот период сражаться на многих фронтах.

В Нальчикском округе, а затем и в Кабардино-Балкарской автономной области немцы вносили заметную лепту в экономическом секторе, занимаясь животноводством, и особенно слыли умелыми организаторами молочного производства.

На территории СССР, по данным НКВД СССР, в начале 1939 г. проживали 1 427 232 немца: в Краснодарском крае - 34 287 чел., Орджоникидзевском крае - 45 689 чел., в Кабардино-Балкарской АССР - 51 299 чел., в Северо-Осетинской АССР - 2924 чел., в Чечено-Ингушской АССР - 858 чел., в Дагестанской АССР - 5048 человек. В РСФСР было расселено 700 231 немец: в Азербайджанской ССР - 23 133 чел., Грузинской ССР - 20 527 чел., в Армянской ССР - 433 чел. и т.д. [ГА РФ. Р.-Ф.9479. Оп.1. Д.83. Л.1-3].

В 1941 г. последовали один за другим нормативные акты, на основе которых выселялись советские немцы и с иных территорий европейской части Союза ССР, в частности с территории Северного Кавказа. В Краснодарском крае проживало 34 287 немцев, в Ставропольском - численность их возросла до 95 689 человек. Всего по двум краям значилось около 124 тыс. граждан немецкой национальности [ГА РФ. Р.-Ф.9479. Оп.1. Д.83. Л.59].

21 сентября 1941 г. Постановлением ГКО-698 сс переселялись немцы: из Краснодарского края - 34 287 чел.¹, из Орджоникидзевского края - 95 489 чел., из Тульской области - 3 208 чел., из Кабардино-Балкарской АССР - 5327 чел., из Северо-Осетинской АССР - 2929 человек. С 15 по 30 октября 1941 г. были переселены: всего - 48 375 чел., из них, по уточненным данным, из Грузинской ССР - 23 580 чел. (по другим данным - 20 527 чел.), Азербайджанской ССР - 22 741 чел. (23 133), Армянской ССР - 212 человек (433) [ГА РФ. Ф.-Р.9479. Оп.1. Д.83. Л.1-3].

22 октября 1941 г. за подписью председателя Государственного Комитета Оборона И. Сталина появилось постановление (№ ГКО-827сс) и относительно немцев Дагестанской и Чечено-Ингушской республик. Переселению подлежали: из Дагестанской АССР - 4 тыс. чел., из Чечено-Ингушской АССР - 574 человека [55, с. 32-33]. Перевозка переселявшихся проводилась по железной дороге и морским путем до Красноводска.

К концу октября из непереселенных граждан немецкой национальности оставались только немцы на территории Калмыцкой АССР. Однако в таком состоянии они пребывали непродолжительное время. Уже 2 ноября 1941 г. появилось Распоряжение СНК СССР № 84-кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР в Казахскую ССР», вышедшее за подписью председателя Народных Комиссаров Союза ССР Л. Берии: в Казахстан отправлялись с 3 по 10 ноября принудительным порядком 6 тыс. немцев Калмыкии. Руководство переселением также возлагалось на НКВД СССР.

Работа в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (г. Краснодар) с документами о деятельности районных партийных организаций в послевоенный период, в частности со справками, информационными заметками секретарей райкомов ВКП(б) о восстановлении и развитии сельского хозяйства в колхозах края за 1947 г., позволила обнаружить интересные документы, проливающие свет на вопрос об отношении местного населения к советским немцам.

В данном случае речь идет о проживании немцев на территории Крыловского района. Каким было отношение местного партийного и советского аппаратов власти, как и населения, дает ответ докладная записка секретаря Крыловского райкома РКП(б) Г. Симоняка, направлявшаяся на имя секретаря крайкома ВКП(б) В. Зинченко 12 февраля 1947 г. На мой взгляд, она отличается объективностью по своему содержанию. Казалось бы, фактически переселение немцев из района про-

¹ Всего было переселено с территории Краснодарского края 40 636 граждан немецкой национальности.

изошло шесть лет тому назад и можно было в водовороте тех бурных событий все забыть. Однако о немцах помнили, помнили об их работе в Розентальской МТС, обслуживавшей одновременно несколько колхозов района. Ситуация сложилась так, что дело в колхозах на продолжительное время разладилось. Ранее немцы занимали земельные площади и обрабатывали их. Теперь же ощущалась острая потребность не только в рабочей силе, но и в решении вопроса о распределении оставшихся необработанными земельных массивов в колхозах прежнего проживания советских немцев.

Вследствие принудительного переселения немцев в 1941 г. колхоз им. С. Орджоникидзе получил дополнительно в ведение 1771 га земельных массивов. Ими располагали немцы в бывшем своем колхозе им. Карла Маркса. [Центр документов новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф.1744-А. Оп.3. Д.864. Л.17]. И эти поля прежде всегда были ухоженными и аккуратно обработанными - заслуга местных немцев-колхозников.

Судя по всему, проводимая переселенческая политика на освобожденные от немцев территории в Краснодарском крае не приносила желаемых результатов и, как замечал секретарь Крыловского райкома ВКП(б) Г. Симоняк, «предполагавшееся заселение новыми колхозниками не состоялось, так как ход военного времени не позволял этого сделать» [ЦДНИ КК. Ф.1744-А. Оп.3. Д.864. Л.17].

Ситуация в этот период складывалась катастрофически. В колхозе им. С. Орджоникидзе земельные площади составляли на 1947 г. в целом 3125 га, а вот трудоспособных вместе со стариками и подростками насчитывалось всего 195 человек [ЦДНИ КК. Ф. 1744-А. Оп. 3. Д. 864. Л. 17]. По кругу на одного трудоспособного колхоз им. С. Орджоникидзе мог выделить 16 га земли.

Необходим был поиск выхода из создавшейся ситуации. Секретарь райкома Г. Симоняк неоднократно вспоминал немцев, проживавших в Крыловском районе. Ничего другого в качестве выхода их затруднений предложить не смогли, кроме как поставить вопрос перед Правительством СССР «о передаче этой земли в Госфонд» [ЦДНИ КК. Ф.1744-А. Оп.3. Д.864. Л.17].

Документы также свидетельствуют о сохранявшейся долгой памяти пребывания советских немцев в Кубанском округе, как последовательно поддерживавших трудовые инициативы колхозов края, активно участвовавших в производственном процессе по поднятию урожаев. Немцы часто выступали с предложениями по совершенствованию способов обработки земли, являлись активными работниками транспортных бригад, занимались подготовкой технопарка, ремонтом тракторов и комбайнов, другой уборочной техники.

Исследование вопроса о роли и месте принудительных переселений как формы карательных действий по отношению к населению в государстве показывает, насколько пагубными по содержанию остаются подобные меры. Они, как правило, вносят в жизнь сообщества негативные последствия и направлены в конечном итоге на подрыв взаимоотношений по вектору «народ и власть», ухудшают материальное положение граждан, способствуют формированию межэтнической напряженности, дестабилизации обстановки в государстве и обществе.

Последствия случившегося на примере народов Кавказа показывает, какие негативные результаты были получены в ходе проводимых принудительных переселений. Была ли альтернатива подобным действиям со стороны власти? Естественно, да, однако это требовало дополнительных усилий от органов государственной власти, ведения пропаганды среди населения, выявления предпосылок для проявления подобного. В целом в рассматриваемом регионе были подвергну-

ты принудительному переселению около 1 млн граждан, принадлежавших к разным этническим общностям. Из них по причине принудительных переселений в итоге погибло, по приблизительным данным, более 30%.

В условиях современности задача мирового сообщества сводится к тому, чтобы воспрепятствовать проявлению подобных мер, для чего вырабатывать более совершенные формы и модели поиска консенсуса, формирования условий совместного проживания, обеспечения безопасности страны, мирного сосуществования граждан на планете Земля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. - Вильнюс, 1990; Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. - М., 1991. - 67 с.
2. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дис. ... канд. ист. наук. - Карачаевск, 2001. - 26 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01002642132>
3. Бакаев П. Геноцид. - Элиста, - 1992. - 115с.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский народ: историческая судьба в XX веке. - М., - 1993, - 160с.
5. Беджанов М.Б. Суверенитет, демократические движения, многопартийность и возрождение казачества. - Майкоп, - 1991. - 228 с.
6. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945: проблемы истории, историографии и источниковедения. - М.: Центрполиграф, 2012, 479 с.
7. Белоусов И.В. Власть и казачество: эволюция взаимоотношений и политического курса в XX веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2003.
8. Бугай Н. Операция «Улусы». - Элиста, 1991. - 44 с.
9. Бугай Н.Ф. Казачество Юга России: проблемы воспитания культуры межнационального общения // Голос минувшего. - Краснодар, 2003. - № 1-2, - С 56-61
10. Бугай Н.Ф. «Жду Вашего справедливого решения...». Из писем спецпереселенцев // Дружба народов. - № 8. - М., 1993, -с. 196-199.
11. Бугай Н.Ф. 1917-1945 годы: казачество в системе межнациональных отношений в России (СССР) // Кубанец. Донской атаманский вестник. Сборник. - Нью-Йорк, 1998. - С. 122-173.
12. Бугай Н.Ф. Депортация народов Северного Кавказа. - Народы России: проблемы депортации и реабилитации. - Майкоп: Меоты. 1997. - С. 54.
13. Бугай Н.Ф. Казаки России: конститутивность, эволюция, современность (XX-XXI вв.). Исторический экскурс. - М., 2015. - 276 с. ISBN 978-5-906302-15-1.
14. Бугай Н.Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение. (1917-2010 гг.). - СПб., 2012. 478 с.
15. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народа // Вопросы истории. - 1990. - № 7. - С.32-4. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22892282>
16. Бугай Н.Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица. 1792 - начало XX века. - М., 2009. - С. 824-825.
17. Бугай Н.Ф., Гросул В.Я. Очерки истории Тамани. - М., 1996. - 232 с.
18. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. - М., 2009. - 446 с.

19. Васильев И.Ю. Украинская диаспора Ростовской области: механизмы и практика поддержания экономического самосознания // Былые годы. Российский исторический журнал (Сочи). - 2012. - № 2 (24). - С. 62-68.
20. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917-1932 гг. - Краснодар: Кубанькино, 2010. - 163 с.
21. Геграев Х.К. Демографические последствия Великой Отечественной войны и насильственной депортации для балкарского народа / Сборник научных трудов молодых ученых. Т. 2. - Нальчик, 2002. - С. 100-110.
22. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах / URL <http://www.ainros.ru/ainst/t1/jupikova.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
23. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы // Социологические науки. - М., 1991. - № 10. - С. 6.
24. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД - МВД СССР) // Социологические исследования. - 1990. - № 11. - С. 9.
25. Золотые ворота. Альманах. - Вып. 1. - Киев, 1991. - С. 78-79.
26. История и художественная литература / Отв. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров. - М.-СПб., 2018. - 360 с.
27. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х тт. Т. 2. - С. 587.
28. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. - Элиста, 1972.
29. Казаки / Сост. Болдырев М.М. Национальный совет казаков. - М., 2008. - С. 4-5.
30. Казачество в истории России. - Краснодар, 1993. - С. 125.
31. Казачество: истоки и возрождение. - Ставрополь, 1991.
32. Казиев Ш.Н. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 годы): Дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.07. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. - С. 27.
33. Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг. - Элиста: Санан, 1991. - 92с.
34. Козлов А.И., Козлов А.А. У истоков разработки казачьей проблематики // Голос минувшего. № 1-2. - Краснодар, 2003.
35. Козлов А.И., Козлов А.А. Российское казачество: краткий анализ ближайшей истории и перспективы // Вестник Академии военных наук. - № 1 (2). - М., 2003.
36. Козлов А.И. Российское казачество. - Ростов н/Д, 1997.
37. Кубанское казачество: проблемы истории и возрождение. - Краснодар, 1995.
38. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. - С. 122.
39. Лукъяев В. "Вы вернетесь, верьте мне" // Юность. - М., 1989. - № 6.
40. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. - М.: Наука, 2007; изд. 2-е, доп. - М., 2010. - С. 300-301, 351.
41. Максимов К.Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. - М.: Наука, 2004.
42. Мальбахов Т.К. Эпоха борьбы и созидания. Избранные речи, статьи, письма / Сост. и отв. ред. Б.Х. Бгажноков. - Нальчик, 2007. - С. 390.
43. Наминов-Бурхинов Д. Борьба за гражданские права калмыцкого народа. - М.-Элиста, 1997.
44. Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы возрождения. - Элиста, 2003.
45. Некрич А.М. Наказанные народы. - Нью-Йорк, 1988.
46. Некрич А.М. Наказанные народы // Нева. - 1993. - № 10.
47. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казачьих войск Области войска Донского. - Ростов н/Д, 2002.
48. Очирова Н.Г. Калмыцкая интеллигенция в годы ссылки: Сб. науч. ст. Югсии - культурно-исторический феномен. - Элиста, 2004.

49. Пеньковский Д.Д. Казачество: исход и возрождение (1920-2011 гг.). - М., 2011.
50. Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е годы XX века. - Элиста, 2003.
51. Полян П.М. Не по своей воле... Истории и география принудительных миграций в СССР. - М., 2001.
52. Правда. 1936. 24 апреля.
53. Правда. 1936. 21 апреля.
54. Принудительные миграции в годы Второй мировой войны и после ее окончания (1939-1953) / URL: <http6://lib.babr.ru/ext/3887.pdf>; (дата обращения: 01.02.2019).
55. Проблемы истории, историографии, источниковедения. - М., 2012.
56. Рассказывает Владимир Лукъяев // Балкария. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. Вып.1. - Нальчик, 2004. - С. 72.
57. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. - М., 1994. - С. 32-33.
58. Российское казачество. Научно-справочное издание. - М., 2003; Казачество. Энциклопедия. - М., 2003;
59. Россия - Грузия: альтернатива конфронтации - созидание. Проблемы истории российско-грузинских отношений. XIX-XXI вв. - М., 2011.
60. Русский путь в развитии экономики. - М., 1993.
61. Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е годы - начало XX в.).
62. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. - М., 2008. - С. 127.
63. Скорик А.П., Бондарев В.А. Рассказывание на юге России в 1930-х годах: исторические миф и реальность // Отечественная история. - 2008. - № 5. - С. 38.
64. Снитковский В. Кровавая статистика сталинской империи: Копия доклада / Архив автора.
65. Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. - Элиста, 1993. Кн. 1. Т. 1 и др.
66. Таболина Т.В. Возрождение казачества. 1989-1994 гг. - М., 1994.
67. Хутуев Х.И. Восстановление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. - Нальчик, 1984.
68. Хлынина Т.П. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - 2010. - № 3-4. - С. 135-138.
69. Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-50-е годы). - М., 1998.
70. Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа: Дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1965.
71. ЦК РКП(б) - ВКП(б) и национальный вопрос / Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. - М., 2005. - С. 571.
72. Шахбанова М.М. Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев). - Махачкала, 2006. - С. 31.
73. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. - Ставрополь: Аргус, 2003. - 335 с.
74. Этническое меньшинство лазов в структуре межнациональных отношений в Союзе ССР. 1920-1940-е годы. Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». - М.: Гриф и Ко, 2011. - 510 с.

REFERENCES

1. Avtorhanov A. Empire Of The Kremlin. Soviet type of colonialism. Vilnius. 1990; Murder of the Chechen-Ingush people: people's murder in the USSR. M., 1991, 67 p. (in Russ)

2. Adzhieva E.A. Deportation of the peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic war: causes and consequences (on the example of the Karachay and Balkar peoples). Diss. ... PhD. Karachayevsk, 2001, 26 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002642132> (in Russ)
3. Bakayev P. Genocide. Elista, 1992, 115p. (in Russ)
4. Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Koretsky V.A. Russian people: historical destiny in the 20th century. M., 1993, 160p. (in Russ)
5. Bedzhanov M.B. Sovereignty and democratic movement, a multiparty system and the revival of the Cossacks. Maykop, 1991, 228p. (in Russ)
6. Bezugolny A.Yu., Bugay N.F., Krinko E.F. Mountaineers of the North Caucasus in the Great Patriotic war 1941-1945, 479p. (in Russ)
7. Belousov I.V. Power and Cossacks: evolution of relations and political course in the twentieth century. Auth. dis. ... D. hist. sc. M., 2003. (in Russ)
8. Bugay N. Operation "Ulus". Elista, 1991. 44 p. (in Russ)
9. Bugai N.F. Cossacks of the South of Russia: problems of education of culture of inter-ethnic communication-the Voice of the past. № 1-2. Krasnodar, 2003. (in Russ)
10. Bugai N.F. "Waiting For your fair decision..." From letters of special settlers. Friendship of peoples. No. 8. M., 1993. Pp. 196-199. (in Russ)
11. Bugai N.F. 1917-1945: Cossacks in the system of interethnic relations in Russia (USSR). Kuban. The don ataman Herald. Collector. New York, 1998. Pp. 122-173 . (in Russ)
12. Bugai N.F. Deportation of the peoples of the North Caucasus. The peoples of Russia: problems of displacement and rehabilitation. Maikop: Meots. 1997. P. 54. (in Russ)
13. Bugai N.F. Cossacks of Russia: constitutivity, evolution, modernity (XX-XXI centuries). Historical digression. M., 2015. 276 p. ISBN 978-5-906302-15-1. (in Russ)
14. Bugai N.F. Kurdish world of Russia: political and legal practice, integration, ethno-cultural revival. (1917-2010.). SPb., 2012. 478p. (in Russ).
15. Bugai N.F. The truth about the deportation of the Chechen and Ingush people Is a matter of history. 1990. No. 7. Pp. 32-4. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22892282> (in Russ)
16. Bugay N.F. Old-Titarovskaya: Kuren, kurinnoe settlement, village. 1792 - beginning of 20th century. M., 2009. Pp. 824-825. (in Russ)
17. Bugai N.F., Grossul V.Ya. Essays on the history of Taman. M., 1996. 232 p. (in Russ)
18. Bugai N.F., Mamayev M.I. Turks-Meskhetians: Georgia, Uzbekistan, Russia, USA. M., 446p. 2009.
19. Vasiliev I.Yu. Ukrainian Diaspora of Rostov region: mechanisms and practice of maintaining economic consciousness. Years ago. Russian historical journal (Sochi). 2012. № 2 (24). Pp. 62-68.
20. Vasiliev I.Yu. Ukrainian national movement and ukrainization in Kuban in 1917-1932 Krasnodar: Kubankino, 2010. 163 p.(in Russ)
21. Demographic consequences of the great Patriotic war and forced deportation for the Balkar people. Collection of scientific works of young scientists. Vol. 2. Nalchik, 2002. Pp. 100-110. (in Russ)
22. Zhupikova E.F. Rebel movement in the North Caucasus in 1920-1925. URL <http://www.ainros.ru/ainst/t1/jupikova.pdf> (accessed 01.02.2019) (in Russ)
23. Zemskov V. N. "Kulak exile" in the 1930-ies. Sociological research. M., 1991. No. 10. P. 6.
24. Zemskov V.N. Special settlers (according to documents of NKVD. - MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR. Sociological research. No. 11. 1990, P. 9. (in Russ)
25. Golden gate. Almanac. Issue. 1. Kyiv, 1991. Pp. 78-79. (in Russ)
26. History and fiction. M.-SPb., 2018. Under the edit. of corr-member of RAS. A.N. Sakharov. 360 p. (in Russ)

27. The history of Kalmykia from ancient times to the present day. In 3 volumes. Vol. 2. P. 587. (in Russ)
28. The history of Kalmykia from ancient times to the present day. Elista, 1972. (in Russ)
29. Cossacks. Comp. Boldyrev M.M. National Council of Cossacks. M., 2008. Pp. 4-5. (in Russ)
30. Cossacks in the history of Russia. Krasnodar, 1993. P. 125. (in Russ)
31. Cossacks: origins and revival. Stavropol, 1991. (in Russ)
32. Kaziyeu Sh. Soviet national policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan. (1917-1991). Dis. ... DHS 07.00.07. M.: Institute of Ethnology and anthropology, RAS, 2016. P. 27. (in Russ)
33. Kalmyks: check-out and return. 1943-1957 Elista: Sanan, 1991. 92p. (in Russ)
34. Kozlov A.I., Kozlov A.A. has spearheaded the development of the Cossack issues. Voice of the past. № 1-2. Krasnodar, 2003. (in Russ)
35. Kozlov A.I., Kozlov A.A. Russian Cossacks: a brief analysis of the nearest history and prospects. Bulletin of the Academy of military Sciences. No. 1 (2). M., 2003. (in Russ)
36. Kozlov A.I. the Russian Cossacks. Rostov-on-don, 1997. (in Russ)
37. Kuban Cossacks: problems of history and revival. Krasnodar, 1995. (in Russ)
38. Lenin V.I. Poln. Coll. Op. Vol. 30. P.122. (in Russ)
39. Lunyayev V. "You will return, believe me". Youth. M., 1989. No. 6. (in Russ)
40. Maksimov K.N. The great Patriotic war: of Kalmykia and the Kalmyks. Moscow: Science, 2007; ed. three times, additional. M., 2010 (Ibid.) Pp. 300-301, 351. (in Russ)
41. Maximov K.N. Tragedy people. Repression in Kalmykia. 1918-1940-ies. M.: Science, 2004.
42. Malbakhov T.K. the Era of struggle and creation. Selected speeches, articles, letters. /Comp. and the answer is. editor B.H. Bgazhnokov. Nalchik, 2007. p. 390. (in Russ)
43. Naminov-Burkhinov D. Struggle for civil rights of the Kalmyk people. M.-Elista, 1997.
44. The national policy of the Soviet state: the repression against the peoples and problems of the Renaissance. Elista, 2003. (in Russ)
45. Nekrich A.M. The Punished peoples. New York, 1988. (in Russ)
46. Nekrich A.M. The Punished peoples. Neva. 1993. No. 10. (in Russ)
47. Ozerov A.A., Kiblitky A.G. Union of Cossack troops of the don army Region. Rostov-on-don, 2002. (in Russ)
48. Ochirova N.D. Kalmyk intelligentsia in the years of exile. Collection of scientific articles South of Russia-cultural and historical phenomenon. Elista, 2004. (in Russ)
49. Penkovskiy D.D. The Cossacks: the outcome and the revival (1920-2011). M., 2011. (in Russ)
50. Political repression in the Republic of Kalmykia in the 20-40-ies of the 20th century. Elista, 2003. (in Russ)
51. P.M. Polian against their will... the History and geography of forced migrations in the USSR. M., 2001. (in Russ)
52. Truth. 1936. April 24. (in Russ)
53. Truth. 1936. April 21. (in Russ)
54. Forced migration during and after the second world war (1939-1953). URL: [http6 / / lib.babr.ru/ext / 3887.pdf](http://lib.babr.ru/ext/3887.pdf); (accessed 01.02.2019). (in Russ)
55. Problems of history, historiography, source studies. M., 2012. (in Russ)
56. Says Mr Mukhaev. Balkaria. Deportation. Eyewitnesses testify. Issue.1. Nalchik, 2004. P. 72. (in Russ)
57. Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush. Documents, facts, comments. M., 1994. Pp. 32-33. (in Russ)
58. Russian Cossacks. Scientific reference publication. M., 2003; Cossacks. Encyclopedia. M., 2003. (in Russ)
59. Russia-Georgia: the alternative to confrontation is creation. Problems of the history of Russian-Georgian relations. 19-21st centuries, 2011. (in Russ)

60. Russian way in economic development. M., 1993. (in Russ)
61. Sabanchiev H.-M.A. Deportation, life in exile and rehabilitation of the Balkar people (1940 - early 20th century). (in Russ)
62. Sidorova L.A. Soviet historical science of the mid-twentieth century. Synthesis of three generations of historians. M., 2008. P. 127. (in Russ)
63. Skorik A.P., Bondarev V.A. Decossackization in the South of Russia in 1930-ies: historical myth and reality. Domestic history. 2008. No. 5. M., 2008. P. 38. (in Russ)
64. Snitkovsky V. Bloody statistics of the Stalin Empire. A copy of the report. Author's archive. (in Russ)
65. Link of Kalmucks: as it was. The team. dock. and materials. Elista, 1993. Book 1. Vol. 1 et al.
66. Tabolina T.V. Renaissance of Cossack. 1989-1994. M., 1994.(in Russ)
67. Kutuev H.I. Restoration and development of socialist culture of the Soviet of Kabardino-Balkaria. Nalchik, 1984. (in Russ)
68. Khlynina T.P. Voice of the past. Kuban historical journal. № 3-4. 2010. Pp. 135-138. (in Russ)
69. Hunagov A.S. Deportation of peoples from the territory of Krasnodar region and Stavropol (20-50-ies). M., 1998. (in Russ)
70. Kutuev H.I. Balkar people in the great Patriotic war and the postwar period. Restoration of the autonomy of the Balkar people. Diss ... PhD Rostov-on-don, 1965. (in Russ)
71. Of the Central Committee of the RCP(b) - VKP(b) and the national question]. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. M., 2005. 571p. (in Russ)
72. Shakhbanova M. M. Problems of rehabilitation of repressed peoples of Dagestan (on the example of the Chechens-Akinci). Makhachkala, 2006. P. 31. (in Russ)
73. Ediev D. M. Demographic losses of the deported peoples of the USSR. Stavropol: Argus, 2003. 335 p. (in Russ)
74. Ethnic minority of lazs in the structure of interethnic relations in the USSR. 1920s-1940s. Bugai N.F. L. Beria - I. Stalin : "After Your instructions, a trace was made". M.: Grif I Ko, 2011. 510p. (in Russ)

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса, г. Москва, Россия
ORCID iD: 0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 07.02.2019.
принята в печать 20.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Nikolai F. BUGAI, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID iD: 0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Received 07.02.2019.

accepted for publication 20.03.2019.

The author have read and approved the final manuscript.